

Верность присяге и долгу

Владимир Павлович Юдин перед войной начинал работу на медно-серном комбинате. И с войны вернулся – пошёл на родное предприятие. Трудился в химзехе, в медеплавильном, был диспетчером комбината.

Воевать В.П.Юдину довелось на Сталинградском фронте, потом - на Орловско-Курской дуге, затем в Белоруссии, под Кёнигсбергом. Молодой артиллерист обслуживал ракетные установки «Катюши», бил фашистов залповым огнём, который наносил врагу ощутимый ущерб. Чтобы выстоять в испытаниях, надо было много трудиться, соблюдать жёсткую дисциплину, уметь действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Этот ратный труд ни с чем не сравнить. Помогала солдатам и боевая дружба в опасное время.

Вот какие воспоминания о войне оставил в городском архиве Почётный гражданин г.Медногорска Владимир Павлович ЮДИН:

«Перед тем, как идти на фронт, мы, призывники, проходили 3 месяца обучение в г.Москве. Жили в бараках, там и учились. Вёлся отбор солдат, самых надёжных. В это время мне поручили охранять объект (сани и сбрую). Было мне 17 с половиной лет. И вот однажды я заснул на посту (сказывались недоедание и стрессы). В это время пришёл разводящий и у меня, спящего, вынул затвор из автомата. Когда я проснулся, то продолжил вахту – стал ходить туда-сюда. И не вижу, что затвора у меня нет. Слышу шаги, кто-то идёт. Я кричу: «Стой, кто идёт?!» Шаги приближаются. Я кричу: «Стой, стрелять буду!» Мне в ответ: «Стреляй!». Смотрю, подходит разводящий со сменной караула. Я хотел сделать предупредительный выстрел – не получилось, и только тогда я понял, что затвора нет! Меня сменили и посадили на гауптвахту. Сидел я там долго, пока не сделали запросы в те места, где я родился, учился, – собрали на меня положительные характеристики. И только тогда, когда пришли на запросы все ответы, их командование изучило, и меня выпустили. Это был 1942 год. Я понял, что на войне нужны особые дисциплина и ответственность.

Демьян Дубровский – мой земляк, медногорец, был худым подростком, врачи оценивали его как дистрофика. Учились мы с ним вместе в одной учебно-миномётной бригаде. В учебке он тоже попадал на гауптвахту. Когда его оттуда выпустили, он еле волочил ноги. Я уехал с полком на Сталинградский фронт, а он остался в дивизии, восстанавливать своё здоровье и набирать вес.

Нас везли на Сталинградский фронт – на станцию Песковатка. Задача у бойцов – уничтожить немцев, попавших в окружение. В это время в дороге у нас пропал один солдат, наш товарищ. Все его ищут, никто не знает, куда он делся и при каких обстоятельствах. Потом несколько забылся этот факт. Мы сражались отчаянно за город на Волге.

А когда закончилась Сталинградская эпопея, мы приехали в Москву, чтобы произвести ремонт машин, пополнить дивизию бойцами, восстановить силы. Наш 313-й гвардейский полк стоял от Москвы по направлению на Орловско-Курскую дугу, недалеко от Ясной Поляны (бывшего имени Льва Толстого). За время этой стоянки нас 2 раза водили в баню. Вот второй раз идём строем в баню, а навстречу нам ведут ребят-ремесленников. И из их отряда раздаётся «Здравствуйте» в нашу сторону. Смотрим и глазам не верим: среди этих ребят идёт тот самый человек, который был в нашем отряде под Сталинградом, но неизвестно куда пропал.

На следующий день, рано утром – боевая тревога. Мы выскакиваем все с боевым оружием, противогазами – строимся. Ведут нас в лес. П-образно построили. Едет машина, охрана выводит из неё этого дезертира. Ставят его на край рва, который уже предварительно выкопали. Военный трибунал зачитывает приговор. И парня расстреливают. Труп падает в ров. Это было показательное действие. Так воспитывали солдат в военное время, чтобы не трусили, были верны присяге и воинскому долгу.

Боевое крещение я принял под Сталинградом.

Реактивные системы залпового огня оченьгодились в развитии контрнаступления на Волге. 19 ноября 1942 года, когда началась мощная артподготовка к решительному сражению, вся артиллерия и наши «Катюши» ударили так, что тряслась и горела земля под ногами фашистов. Мы показали свою силу, дали германцам такой огневой отпор, что враг не сдюжил и дрогнул. Преодолевая его сопротивление, мы начали двигаться вперёд. Мне, как командиру орудия, после боя приходилось заботиться о сохранности боевой техники, мы прятали машины в лесной балке, закапывая едва ли не под крышу. Немцы не раз пытались обнаружить и с воздуха уничтожить наши ракетно-миномётные установки.

За Сталинградом была Орловско-Курская дуга. Тоже серьёзное испытание для нас и нашей техники.

Меня ранило в январе 1945 г., в местечке около 80 км от Кёнигсберга (сейчас Калининград), при следующих обстоятельствах. Полк, в котором я воевал, находился в лесу, солдаты рыли аппарели (это яма, в которую загоняли «Катюшу» почти полностью). Из земли торчали только рельсы от пушек. Мы делали машинам защитную маскировку из веток. А яму копали всего 7 человек. Это нелёгкий солдатский труд. Но не зря наш командир говорил: «Больше пота – меньше крови». Немцы догадывались, что в лесу стоят замаскированные «Катюши» и поэтому постоянно прочёсывали лес и бомбили его. Напарник мой был обвешан гранатами (полный боевой комплект). Все солдаты так ходили. В это время немцы сидели в лесу в засаде, бросили гранату в сторону наводчика. От детонации взорвался

боевой комплект на его поясе. На глазах товарищей его разорвало на куски. Я шёл позади парня, меня отбросило взрывной волной. Когда я очнулся – нога не гнулась, был полный валенок крови. Ко мне подбежал старший лейтенант – санинструктор, положил мне лангету и отправил на машине в санчасть. Оттуда нас погрузили на бортовую машину и отправили в тыл, в госпиталь. Выезжать с линии фронта, что близ врага, очень трудно, дорогу постоянно бомбили фашисты. Сверху нас сопровождали наши самолёты. Находился я на излечении 8 месяцев, за это время сменил несколько госпиталей.

Я и мой однополчанин Николай Пятов были друзьями. Отец Пятова тоже воевал, но в другой дивизии. Сын с отцом переписывались. И вот в последнее время стали замечать, что почта очень быстро доставляет письма (в три дня). Я и говорю своему другу: «Ты напиши в письме номер нашей дивизии, может быть, это поможет определить, как близко от нас стоит дивизия твоего отца». Ведь тогда, в военное время, письма проходили строжайшую цензуру. И он написал. Письмо дошло. Отец Николая догадался и выяснил, что 313-й гвардейско-миномётный полк (секретный) стоит всего в 500 метрах от них. И он пошёл к нам, на встречу со своим сыном. Когда отец пришёл в наше расположение, сын пилил брёвна (делали накат на блиндаж). Вдруг бежит солдат и кричит: «Товарищ сержант, к вам мужчина какой-то приехал!» Николай поднял глаза и увидел своего отца... Он горячо обнялись, растрогались до слёз! Солдаты слили во фляжку свои 100 граммов фронтowych и отдали отцу с сыном – за встречу! Они ушли недалеко в лес, сели там и долго разговаривали. Ребята из полка сына просили командование взять отца Николая к себе в полк, но командование отказало, так как у нас была секретная часть. Ведь у нас были «Катюши» – смерть для гитлеровцев! На следующий день отец Коли ушёл в свой полк, а вместе с ним отправилась и делегация из полка сына, чтобы оправдать отца. Ведь он не дезертир, просто хотел повидать сына! Всё обошлось, дело до военного трибунала не дошло.

Только сплочённость людей, вера в победу, высокая ответственность за общее дело помогли нам выстоять в лихую годину и спасти Родину».